

Вновь о невежестве и нано-маниловщине

Некоторые читатели газеты «Точка Ру» видят в моих писаниях как раз то самое невежество, которое вынесено в заголовок статьи. Большое им спасибо за подтверждение моей правоты. Я – невежда, хотя высших образований у меня целых два. Причем окончила я солидные московские вузы с большими конкурсами при поступлении. Вот видите: образований навалом, а – невежда. Значит, правильно я пишу: толку от этих высших образований никакого – даже невежеству они воспрепятствовать не в силах. Скажу больше. В последние двенадцать лет я руковожу собственным бизнесом довольно приличного размера, являюсь работодателем. И невежество мое – делу не помеха. Получается, что высшее образование – не помеха невежеству, а невежество – не помеха успешной работе.

Теперь оставим в покое мою скромную особу и перейдём к делу. Образование – тема необъятная, о ней чрезвычайно трудно написать маленькую статейку, но попробую наметить основные линии. Под образованием понимаются разные вещи. Человек может получать знания, умения и навыки разными путями: из книг, от членов семьи, из собственных размышлений и путешествий (очень, кстати, образовательное занятие – путешествия), из бесед с другими людьми, из собственных попыток что-то сделать. Всё это – образование. Пути его во многом неисповедимы. Лично я получила большую часть своего скромного багажа знаний именно такими путями, а вот к преподаваемому в учебных заведениях материалу я чувствовала какое-то отторжение. Но все эти пути образования мы обсуждать не будем. Поговорим об организованной государственной системе образования. И главное, что о ней следует сказать, это то, что система образования любой страны, любого общества – это не цель, а средство. Какие цели стоят перед обществом – такое у него и образование. Цели не всегда бывают ясно осознаны, их не следует понимать в духе школярского истмата, но они всегда, так или иначе, присутствуют. Так, в конце XVIII века в Англии потребовалось много людей, знающих грамоту, – растущий капитализм нуждался в более-менее грамотных работниках. Где же взять столько учителей? И вот «англичанин-мудрец, чтоб работе помочь», выдумал ланкастерскую систему взаимного обучения: учитель обучает самых смышлёных, а потом те – остальных. Из остальных выделяются новые смышлёные, и они тоже включаются в дело. В другую историческую эпоху в СССР потребовалось быстро подготовить свою народную техническую интеллигенцию. В ответ на это требование жизни возникли рабфаки, на которых рабочие «пробегали» за два-три года программу средней школы. В 1930-е годы вся страна, как и рабфаковец, «пробегала» за десять лет исторический путь, на который другие страны тратили столетия. Форсированная индустриализация потребовала создать систему среднего и высшего образования, нацеленную на задачу индустриализации страны. Отсюда – резкое преобладание технического образования. Это было правильно и разумно; по-другому и быть не могло. К 1950-м годам система советского образования обрела законченную и вполне целесообразную (т.е. соответствующую своей цели) форму. В чём же она состояла? Система была нацелена на подготовку инженеров и рабочих преимущественно для военно-промышленного комплекса. Плюс специалисты и работники сельского хозяйства. Плюс врачи–учителя. Минимум гуманитариев (они требовались для развития науки об обществе и для обслуживания целей пропаганды). Школа была единой, и в этом единстве было что-то величественное. Когда-то Геббельс восхищался блестящей организацией католической церкви: в данный день по всему земному шару на разных языках произносится строго один и тот же текст. Советская школа близко подошла к этому идеалу: в определённый день

(плюс-минус пара дней) от Камчатки до Калининграда школьники пятого класса изучали сложение простых дробей, а восьмиклассники – причины Французской революции. С первого по восьмой класс все учились одному и тому же. Конечно, школы и учителя были разные, но единство программ и хорошие, внятные учебники, написанные не безвестными проходимцами, а квалифицированными специалистами, часто известными учёными, выравнивали местные различия. После 8-го класса кто-то шёл или в ПТУ (тогда они назывались ФЗУ), или прямо на производство, или в техникум. Имелась возможность завершить среднее образование в вечерней школе. Тот, кто шёл в 9-й класс, был нацелен на получение высшего образования. Это были лучшие ученики; их первоначальный отбор происходил ещё после 8-го класса. Было много школ-восьмилеток, после которых ученики переходили в другую школу, если шли в 9-й класс. В результате в вузы попадали лучшие ученики. И соответственно преподавать там можно было не на уровне троечника, а на уровне хотя бы хорошиста. Отсюда – технические успехи, запуск спутника и всё прочее. Что случилось потом? А потом руководство страны дало слабину: было открыто множество новых вузов (не столько, сколько их теперь, но тоже порядочно); областные «педы» были переделаны в университеты, школы стали в основном средними, и народ повалил в вузы. Кто-то шел туда за образованием, но большинство – чтобы не стоять у станка, а сидеть в конторе. Это происходило уже 1970-е годы. Тогда же возникла полукомическая фигура «простого инженера» – никчёмного, низкооплачиваемого, никем особо не уважаемого работника. Это был, забегаая вперёд, взрывчатый материал перестройки, он копил недовольство и чувство невостребованности. Именно тогда от перепроизводства возникли «инженеры по социалистическому соревнованию», «инженеры по озеленению» и т. п. Качество образования стало неуклонно падать. Это очевидно: массовое образование всегда ориентируется на нижнюю планку. Когда в вуз пошли троечники, преподаватели взяли ориентир на уровень понимания троечника. Настоящее высшее образование способны воспринять процентов десять населения, а, может, и меньше. Под высшим образованием я понимаю способность не просто что-то делать, а производить новые знания, решать новые задачи. Действия по известным алгоритмам, пусть даже и сложные, принадлежат к компетенции среднего образования. И весьма немногие способны по своим врождённым умственным способностям получить настоящее, а не имитативное высшее образование. Мы очень склонны считать, что всё определяет воспитание, среда, а биология – почти что ничего. На самом деле у каждого человека – свой потолок, и у большинства он соответствует среднему специальному образованию. Стоит превысить некий процент, который идёт в вузы, как уровень преподавания начинает падать. Это произошло ещё в Советском Союзе. Но заметьте: в 1970-е годы в вузы на дневное отделение попадали лишь 20% (!) выпускников средней школы. Теперь вообразите, что происходит сегодня, когда в вузы идут практически все! Вот что рассказывал мой сосед, доцент транспортного вуза. На подготовительных курсах задается вопрос: «Сколько будет $0,5 + S$?» Аудитория морщит лоб в глубоком раздумье. И они поступят. Практически все. А, поступив, окончат – у нас редко кого выгоняют.

К счастью, для подавляющего большинства работ высшее образование и не требуется. Требуется среднее специальное. Чтобы работать в детсаду и в начальной школе, чтобы делать маникюр и стричь волосы, чтобы торговать и работать в ресторанах, чтобы успешно трудиться на заводах и фабриках (исполнять, а не проектировать), чтобы строить дома и прокладывать водопровод – для всего этого нужно твёрдое и качественное среднее образование. Что же происходит сегодня у нас в стране? На всех этих работах трудятся граждане с высшим образованием. Они осваивают эти работы на ходу, на лету, кое-как. Отсюда – тотальная неумелость, «косорукость» работников. Очень сложно найти умелого

парикмахера, водопроводчика, портного. Но при этом все «верхнеобразованные». Дополнительный эффект всеобщего высшего образования – это тотальная фрустрация. Эти граждане чувствуют себя обманутыми: им выписали диплом международного экономиста или невесть какого аналитика, а приходится ящики на складе передвигать. Ощущение такое, что судьба поманила да и бросила. Я постоянно встречаю в своей жизни таких бедолаг, и мне их искренне жаль. Несомненно и очевидно то, что для каких-то работ необходимо высшее образование. Но получить такое образование могут далеко не все. Собственно, принцип «лучше меньше, да лучше» вполне применим почти ко всем сферам нашей жизни, в том числе и к высшему образованию. Высшее образование должно быть трудным, чтобы люди не шли в вузы ради продления счастливого детства.

Система народного образования – это продукт народного духа, и каждый народ порождает свою систему. Взять и вот так пересадить систему на чужую национальную почву очень рискованно, она может и не прижиться. В целом существуют две системы – латинская и англо-саксонская. Названия эти – условны, были введены в оборот Густавом Лебоном в XIX веке. Латинская система нам хорошо известна – это наша, сначала российская, а потом советская система. В своё время она была заимствована из Германии. Это дедуктивная система: сначала изучается общее, а потом особенное, сначала изучается теория, а потом учат применять её на практике.

Англо-саксонская система другая. Она индуктивная: в ней мысль идет от частного к общему. В ней сразу начинается изучение практики. Теория подается в минимальных размерах и в качестве обобщения практики. Сначала готовят техника, медсестру, а потом уже из специалиста со средним специальным образованием изготавливают соответственно инженера или врача. Или не изготавливают – это уж как сложится. Та и другая системы не идеальны. В чём-то хороша одна, в чём-то – другая. В тех специальностях, где важна большая научная база, предпочтительна латинская. В практических сферах – англо-саксонская.

Как-то я повстречала девушку-англичанку, которая рассказала мне, как она учится в английском колледже гостиничного дела, расположенном на Кипре. Не помню всех подробностей, но суть примерно такая. Вся учёба происходит в гостинице. Сначала студенты обучаются уборке помещений на практике – чем тереть, когда, с чего начать и чем закончить. Затем сдают экзамен и получают сертификат профессиональной уборщицы. В принципе, они могут уйти и работать уборщицами, что некоторые и делают. Оставшиеся изучают пищеблок: как организовать завтрак, что готовить, как подать. После экзамена студент вновь получает сертификат и в принципе может уйти. Потом по тому же принципу изучается система бронирования и рецепция. Таким образом, самые упорные и умные добираются до уровня руководства гостиницы. Вот там изучается и экономика, и бухгалтерия и – страх сказать! – какая-то математика. Результатом такого обучения оказывается то, что человек, освоивший полный курс, может прийти хоть в пустыню, организовать там гостиницу и запустить её в работу. Ему не нужно будет ничего импровизировать – он «знает как». Как учат у нас на специальности «туризм и гостиничное дело»? Сначала изучается математика, политэкономия, отечественная история, страноведение, география. Затем экономика. Бухучёт. Потом, если удастся устроиться куда-то на практику, происходит некоторое знакомство с гостиницей. Ну а дальше – как повезёт. Почувствуйте разницу! В результате нашего образования получается импровизатор с политэкономией. В результате их образования – менеджер гостиницы. Тупой и ограниченный. Но в гостинице будет чистота и порядок.

Для гостиничного дела англо-саксонская система годится идеально. Но попробуйте таким манером подготовить ядерного (или любого другого) физика! Ничего не выйдет. Эта

система хороша для узкопрактических специальностей, там она работает. В специальностях, где велика теоретическая база, выигрывает латинская система, ну а англо-саксонская, соответственно, проигрывает. Что касается азиатов, то у них вообще иные ментальные подходы. Мой муж, инженер-физик по образованию, как-то съездил в Южную Корею на научную конференцию по радиоэлектронике (что-то связанное, кажется, с антеннами). Так вот пока одни ученые что-

то там научно рассчитывали, китайцы просто наугад паяли сотни этих антенн (или иных каких-то устройств) и путём подбора находили нужные параметры. Русскому уму это не даёт надлежащего интеллектуального удовлетворения, однако практическая задача решается и тем, и другим способом. Получается, что у каждого народа свой стиль жизни, мышления и образования. Какой лучше? Лучше тот, который быстрее решает его практические задачи. А также тот, к которому этот народ привык. Поэтому является довольно глупым то, что все народы добровольно прогибаются под американскую систему образования – ведь именно в этом и состоит суть «Болонского процесса». С другой стороны, понять можно всех: в Америке зарплаты большие, гранты опять же...

У нас, в стране мирового гротеска, и англо-саксонская система (пресловутые бакалавры-магистры) приобретает гротескный вид. Вузовский курс, который издавна был построен как дедуктивный (от теории к практике), попросту режут надвое. Бакалавр не получает никаких практических навыков и выпускается фактически человеком без профессии. Что он будет делать дальше – неясно. Зачем это ввели? Зачем нам вообще этот самый «Болонский процесс»? Уверена: ввели его из суеты и низкопоклонства перед Западом – это давняя болезнь нашего народного духа. Официально ее объясняют так: Болонская система вводится, чтобы наши дипломы признавались на Западе. А зачем нам это надо? Мы к чему стремимся – чтобы наши молодые люди оставались работать здесь или уезжали? К тому же своих невежд и тупиц у них пруд пруди, а знающих и умелых они всегда принимали с распростёртыми объятиями. Товарищи моего мужа по физтеху всегда находили работу на Западе, потому что умели что-то ценное. Здесь собака зарыта, а не в «Болонском процессе». Если мы хотим развиваться, нам нужна компактная, дешёвая, эффективная система образования. С креном в сторону техники и естественных наук. Основной массе народа необходимо обеспечить добротное среднее специальное образование. Но это всё предполагает индустриализацию.

И еще добавление – не совсем по теме образования, но важное и для нее. Представление, что мы вот так шагнём из мира ржавого железа в сияющий мир нанотехнологий и экономики знаний, – это прекраснодушная мечта праздной гуманитарной интеллигенции. Чистая маниловщина в нано-очищенном виде. Это всё равно, что пытаться овладеть высшей математикой, не зная таблицы умножения. Индустрия – это не только заводы, фабрики, технологии и всё, что с этим связано. Индустрия – это, в первую очередь, индустриальный тип сознания и мышления, это определённая квалификация всего населения в целом: понятливость, грамотность, дисциплина, умение следовать технологической прописи. Непростое это дело...

За последние двадцать лет у нас выросло фактически неиндустриальное поколение. Это гораздо хуже, чем физический развал заводов и фабрик. Образование напрямую зависит от тех задач, которые ставит перед собой народ, страна. У нас, кроме пустопорожней болтовни и прекраснодушной мечтательности, никаких задач не видно. Всеобщее пятилетнее отсиживание в вузах с поигрыванием в телефончик под партой, как нельзя лучше отвечает этому положению. Заложено оно было ещё в благословенный застой, а полностью расцвело только сейчас. Но продолжаться долго так не может. Появятся у страны задачи – появится и новое образование.